

АКТИВНАЯ ГРАММАТИКА: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ

© 2002 Т.М. Чирко, Т.М. Ломова

Воронежский государственный университет

Развитие современных взглядов на цели, содержание и способы обучения иностранному языку и, в частности, на пути формирования у обучаемых языковой компетенции самым непосредственным образом связано с развитием номинативно-прагматической парадигмы лингвистических знаний, “ориентированной на изучение внешних связей языка с действительностью, которую он отражает, и с человеком, которому он служит”. [10, с.13] Известно, какую существенную роль в становлении коммуникативного подхода к обучению ИЯ сыграла прагматическая теория речевых актов с ее интересом к интенциональному аспекту коммуникативной деятельности человека и к социорегулятивной сущности этой деятельности. Благодаря учению об “иллокутивных” (внеречевых) целях высказываний, в центре внимания лингвистов, преподавателей ИЯ оказался говорящий субъект и его намерение так или иначе воздействовать на собеседника, а через него – на окружающий мир. В результате эффективность обучения ИЯ сегодня оценивается, прежде всего, с точки зрения сформированности у студентов продуктивных умений и навыков, а также с точки зрения адекватности используемых ими языковых средств целям и условиям коммуникации. Указанный подход предопределил те кардинальные изменения в составе и “облике” всего спектра учебно-методической литературы по ИЯ, которые произошли в последние десятилетия двадцатого века. На общем фоне изменчивого многообразия дидактические материалы по грамматике составляют исключение. Пожалуй, единственной серьезной попыткой привести описание грамматического строя английского языка в соответствие с новыми установками и контекстом обучения ИЯ, а также с современным состоянием грамма-

тической теории явилось учебное пособие британских ученых Дж. Лича и Й. Свартвика “A Communicative Grammar of English”, изданное “на заре” коммуникативного метода в 1975г.¹ [20].

В ответ на потребность в грамматике, сориентированной на активного участника общения, авторы “Коммуникативной грамматики” построили свое описание в направлении от функции к форме, не изменив при этом состава рассматриваемых грамматических категорий. Последние представлены в книге по принципу функционально-семантического поля. Например, темпоральность (Time) предлагается изучать как ряд содержательных признаков, манифестируемых совокупностью разноуровневых языковых средств: глагольных форм времени (Tenses), адвербиалий, придаточных времени и т.д. Тем самым авторы откликнулись на происходивший в то время и диктовавшийся логикой научного анализа поворот от формально-ориентированного к содержательно-ориентированному изучению грамматического строя языка. Заметим, что помимо таких понятийных категорий (в терминологии авторов – concepts), как “время”, “место”, “количество”, “причина” и т.д. в грамматическое описание были введены и такие сугубо прагматические сущности (у Дж. Лича и Й. Свартвика – functions), как “просьба”, “предложение”, “приглашение”, “совет”, и т.д. В качестве формальных показателей последних выступают наборы грамматических средств, как правило, реализующих соответствующую функцию в сочетании друг с другом и с неграмматическими

¹ Книга получила мировую известность, однако последователей у Дж. Лича и Й. Свартвика было немного. Среди известных авторов статьи работ, написанных на тех же теоретических основаниях, самой значительной является (19).

средствами в рамках синтаксического целого. Такие сведения, хотя и несомненно полезные для изучающих язык, характеризуют не детали его грамматического устройства, а то, как эти детали используются носителями языка в разнообразных условиях коммуникации, и поэтому грамматической информацией, строго говоря, не являются.

Оставляя открытым вопрос о том, действительно ли направление от формы к функции неприемлемо для грамматики активного типа, позволим себе выразить сомнение в том, что грамматика такого типа может ограничить свое содержание явлениями, которые традиционно включались в грамматические пособия, предназначавшиеся “по умолчанию” для читающего. Наши сомнения основаны на следующих соображениях.

С точки зрения психолингвистики, говорение и слушание не являются взаимобратимыми процессами, простыми зеркальными отражениями друг друга [11]. По авторитетному утверждению американского лингвиста Ч. Хоккета, слушание не включает ничего, что не входило бы в говорение, но “говорение включает все операции, входящие в слушание, плюс операции обзора будущего и выбора” [цит. по 11]. Именно необходимость делать самостоятельный выбор всех языковых средств для реализации речевого замысла и составляет особую трудность, с которой сталкивается говорящий (пишущий) на ИЯ. Отсюда следует, что арсенал грамматических средств, используемых при порождении речи на иностранном языке, должен быть представлен в нормативных грамматиках с достаточной полнотой и с учетом их взаимосвязи с другими языковыми элементами в этом процессе.

Между тем, еще Л. В. Щерба писал, что “существующие грамматики далеко не исчерпывают всех нужных для овладения языком грамматических правил. Их по необходимости приходится дополнять языковым материалом в сыром виде, предоставляя стихийному процессу выявление этих недостающих правил” [17, 75]. Так как ситуация с тех пор, когда были написаны эти строки, мало изменилась, зададимся вопросом о том, какие необходимые говорящему на ИЯ сведения отсутствуют в нормативных

грамматиках. Для этого опять обратимся к данным психолингвистических наблюдений и экспериментов. По этим данным, «переход от замысла к внешней речи начинается с выбора синтаксической модели, образуемой определенным количеством и качеством функционально-синтаксических позиций» [11, 117] Б. Ю. Норман объясняет это тем, что важнейшим компонентом смысла, передаваемого говорящим в высказывании, является отражение референтной ситуации и способ ее представления. “Роль языковой единицы, - пишет автор, - содержащей в зародыше всю фразу в целом, подходит только для синтаксической модели предложения” (там же). Такая трактовка синтаксической модели и составляющих ее компонентов согласуется с теми представлениями о них, которые были выработаны семантическим синтаксисом, по иронии судьбы начавшим свое существование приблизительно в то же время, когда писалась коммуникативная грамматика Дж. Лича и Й. Свартовика – в начале 70-х гг. Не случайно, что в их книге понятие синтаксической модели предложения отсутствует вовсе, а сведения о функционально-синтаксических позициях разнесены по отдельным, расположенным в алфавитном порядке статьям компендиума структурных (читай формальных) элементов английской грамматики. Представляется, что это – следствие не преодоленного к тому времени антименталистского подхода к синтаксическим явлениям, долгое время господствовавшего в англоязычной лингвистической традиции.

Основоположник учения о семантической структуре предложения Ч. Филлмор представил план содержания предложения как пропозицию – вневременной набор семантико-синтаксических функций (“ролей”) для именных компонентов, чей состав и взаимоотношения задаются лексическим значением предикатного знака, как правило, глагола [15]. Семантические роли – это не что иное как “концепты, в терминах которых человек судит о происходящих вокруг него событиях, о том, в частности, Кто сделал Что, с Кем Что-нибудь случилось и Что от этого изменилось.” [3, 118]. Ч. Филлмор и его последователи: а) поместили синтаксис в центр грамматики, б) выделили денота-

тивный аспект в содержании предложения, закрепив за ним статус номинативной единицы языка наряду со словом, в) продемонстрировали теснейшую связь между синтаксической структурой предложения и лексической семантикой его компонентов, г) остро поставили проблему изучения скрытых, т.е. не имеющих внешней репрезентации, грамматических категорий.

С указанных позиций предложение выступает как двусторонняя единица языка, план содержания которой составляют не только логико-коммуникативный (предикация), но и семантико-функциональный (пропозиция) компоненты, сложным образом связанные и взаимодействующие друг с другом. Осуществляя категоризацию познаваемого мира, говорящие выделяют обобщающие смыслы – “ типовые ситуации”, фиксируют их конкретными словоформами и обрабатывают в категориях модальности, времени и лица [4]. Центральное звено во взаимодействии указанных компонентов значения предложения – предикатный знак, в лексической семантике которого содержится “макет будущего предложения” [6]. Содержательная валентность типичного предикатного знака – глагола – предопределяет набор семантических функций для именных участников предложения, а его синтаксическая валентность указывает, в каких словоформах и в каких позициях они будут реализованы. Обязательные глагольные валентности расширяют предикативное ядро предложения за счет облигаторных дополнений и обстоятельств. Таким образом, синтаксическая модель предложения приобретает, помимо грамматической, еще и информативную достаточность. Если в традиционном синтаксисе, где отсутствовало это понятие, лексико-фразеологическому наполнению словоформ, образующих конструктивную основу предложения, внимания не уделялось (описывались лишь морфологические разряды словоформ), то в семантическом (номинативном!) синтаксисе проблема связи синтаксической структуры и вещественной семантики ее лексического состава выходит на первое место.

Путь поисков корреляций между определенными функционально-синтаксическими позициями и лексико-

семантическими разрядами, которые им соответствуют, означает “лексикализацию грамматики”, которую Е.С. Кубрякова называет одной из ведущих и плодотворных тенденций в современной лингвистической мысли [9]. Такой путь диктуется и данными современной когнитивной науки, утверждающей психологическую реальность “внутреннего лексикона”, приравняемого к языковой способности человека. Во внутренний лексикон “записываются усвоенные им словесные знаки” со всей совокупностью сведений о них: от формальной организации... до особенностей включения в синтаксическую конструкцию и употребления” [9, 112]. Проще говоря, словесные знаки хранятся в сознании носителей языка в неразрывной связи с правилами их грамматического исполнения, а синтаксическая структура предложения является в значительной мере рефлексией свойств лексических единиц. Если учесть, что в число таких свойств включаются сегодня не только содержательная и синтаксическая, но и лексическая валентность и связанные с нею ограничения на сочетаемость словесных знаков в рамках синтаксического целого, то становится ясно, что грамматическая теория вплотную подошла к воплощению в синтаксисе предложения (“большом синтаксисе”) принципа диалектического единства коллигации и коллокации – морфо-синтаксического и лексико-фразеологического аспектов речеобразования, соответственно. Этот принцип, как известно, был сформулирован московскими лингвистами [13] и последовательно реализован ее представителями в рамках синтаксиса словосочетания (“малого синтаксиса”) [1; 5; 14 и др.].

Здесь будет уместным заметить, что отечественное языкознание оказалось хорошо подготовленным к решению указанной задачи. Лексикологами, как русистами, так и англистами, успешно разработаны не только проблемы семантической структуры слова, деривации лексических значений, системных связей между единицами лексического уровня, но и проблемы фразеологии в широком смысле, а именно, лексической и синтаксической сочетаемости. [2; 7; 8 и др.]. Ведущие отечественные синтаксисты никогда не разделяли взглядов зарубежных кол-

лег об асемантической синтаксической структур и даже в рамках системно-структурной парадигмы не игнорировали те элементы в содержании предложения, которые, хотя и опосредованно, но отражают свойства номинируемой ситуации.

Так, И.П. Распопов, рассматривая предложение в двух аспектах – конструктивно-синтаксическом и коммуникативно-синтаксическом, подчеркивал, что “означающую сторону (план содержания) структуры предложения, характеризуемого в конструктивно-синтаксическом аспекте, или, что одно и то же, синтаксической конструкции, на базе которой оно строится, составляют детерминируемые языковым сознанием отношения между реалиями (точнее, классами реалий), а означающую сторону (план выражения) составляют фиксирующие эти отношения связи словесных форм и сами эти формы” [12,47]. Ученый ввел в научный обиход понятия синтаксической проекции и синтаксической ориентации словоформы (конкретного слова в конкретной грамматической форме) как ее способности в одном направлении предопределять, а в другом – замещать отмеченные функцией позиции в предложении. Такая способность, по его мнению, производна от потребности словоформы получить определенную функциональную характеристику в качестве члена замкнутого конструктивно-синтаксического ряда. Последовательное выявление позиционно-проективных свойств отдельных классов слов (частей речи), отдельных подклассов (лексико-семантических разрядов) и, наконец, отдельных классов словоформ И.П. Распопов считал важнейшей задачей описательной и нормативной грамматики, так как полагал, что без знания указанных свойств “невозможно в достаточной степени совершенства овладеть языком, чтобы пользоваться им как средством общения” (12, с.68). Рекомендация использовать для лексически ориентированного описания грамматического строя понятие лексико-семантического разряда слов, выделяемого на основе единства синтаксического функционирования, свидетельствует о том, что автор имел в виду не только содержания, манифестируемые специальными, явными показателями, но и те

категориальные семантические признаки, которые скрыты от непосредственного наблюдения в значениях словесных знаков. Скрытые грамматические категории имеют особенно большое значение для языков аналитического строя, в которых основную нагрузку в плане выражения грамматических отношений несут именно “внутренние связи – типы лексических значений, их принадлежность к тому или иному разряду, типы сочетаемости слов” [6, 78].

Высказанные выше соображения авторы статьи положили в основу своего практического пособия по лексически ориентированной грамматике английского языка “Making a Message in English” [18]. Данное пособие – попытка, во многом несовершенная, на основе предварительного корпусного исследования воплотить представления авторов о грамматике активного типа как о грамматике, призванной, помимо прочего, продемонстрировать обучаемым номинативный потенциал основных синтаксических моделей изучаемого языка, а также комбинаторный потенциал словесных знаков, формирующих ту или иную модель и варьирующих ее строение и содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.В., Тер-Минасова С.Г. Английский синтаксис. – М., 1987.
2. Апресян Ю.Д. О толковом словаре управления и сочетаемости русского языка. // Словари. Грамматика. Текст. – М., 1996.
3. Арутюнова Н.Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора. // Вопросы языкознания. – 1973. - №1.
4. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 1999.
5. Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи. – М., 1980.
6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972.
7. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1989.

² Авторы используют для анализа материал, полученный из лингвистических баз данных: British National Corpus и COBUILD DIRECT.

8. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. – Л.: Наука, 1977.
9. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: РАН, Институт языкознания, 1997.
10. Ломов А.М. Типология русского предложения. – Воронеж, 1994.
11. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.
12. Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. – Ростов-на-Дону, 1981.
13. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. /Под ред. Ахмановой О.С. – М., 1969.
14. Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и диалектическом аспектах. – М., 1981.
15. Филлмор Ч. Дело о падеже. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10 – М., 1981.
16. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10 – М., 1981.
17. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в школе. Общие вопросы методики. – М., 1947.
18. Chirko T., Lomova T. and Rybakova S. Making a Message in English. A Handbook in Lexico-Grammar of English for Russian Learners. – Voronezh, 1998.
19. De Devitiis G., Mariani L. and K. O'Malley. English Grammar for Communication. – L. and N.Y.: Longman, 1989.
20. Leech G., Svartvik J. A Communicative grammar of English. – Longman, 1975.